

Если теперь вновь попытаться приблизиться к общей оценке идейно-эстетических познаний Аввакума с точки зрения количественного «прогресса» иконописи, двигавшейся от «антиреализма» к «реализму», то, действительно, становится неизбежным предположение об «антиреалистичности» его взглядов. Вместе с тем представляется достаточно ясным и то более существенное обстоятельство, что в социально-исторической обстановке третьей четверти XVII в. демократический протест Аввакума против эстетической «феодализации» русской иконописи при помощи «фряжских» образцов по своему объективно-историческому значению имел консервативный характер. Естественно, что его попытки идейной опоры на старую, хотя бы и великую, иконописную традицию были обречены на неудачу. Но если подходить к оценке этих воззрений Аввакума со стороны общеисторических перспектив развития русского искусства и признания того непреходящего значения, которое приобрела средневековая русская иконопись как «одно из величайших явлений мирового искусства»,¹¹³ то в этом случае и отношение к данным взглядам старинного писателя может измениться. Не предваряя дальнейших углубленных искусствоведческих исследований в этой области, позволим себе закончить нашу работу предположением.

В своих нападках на придворно-эстетические новшества в области иконописи Аввакум, конечно, преследовал субъективно вполне конкретные идеологические цели, определявшиеся его плебейско-аскетическими антифеодально-религиозными идеалами. Его эстетические требования, заявленные им в гротескно-публицистической форме, не выходили из круга свойственных ему самому и близкой ему демократической среды представлений социально-эстетических и национально-патриотических. Однако в кругу современников, друзей и врагов, только одним Аввакумом безвозвратное падение старой русской иконописи ощущалось трагически, как одна из непоправимых утрат, сопровождавших крушение всей «старой веры» его любимой Руси, которой захотелось «немецких» обычаев. Эта утрата в представлениях автора была столь велика, что делала и самую жизнь на земле по существу бессмысленной. Завершая свои рассуждения об иконописи, Аввакум горестно говорил: «Пропала, чадо, правда, негде соискать стало, разве в огонь, совестью собрався, или в тюрьму — по нашему» (899). Почти отрешенный уже от жизни взор писателя-узника обращался к русской иконописной традиции средневековья, открывая те только ей свойственные «тонкостные чувства» в изображении идеально одухотворенного человеческого облика, которые его идейные противники отвергли с негодованием и которые столетия спустя стали достоянием эстетического познания. Не защищал ли объективно этот писатель-демократ, человек огромного художественного таланта и тонкого эстетического чутья, непреходящую красоту?

¹¹³ Игорь Грабарь Вступительная статья в кн. Мировое искусство, стр. 5.